

«ЕСТЕСТВЕННЫЕ» ТЕОРИИ О ПОЗНАНИИ
И ФОЛК-ЭПИСТЕМОЛОГИЯ:
МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ¹

А. В. Голубинская

Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 17 февраля 2020 г.

Аннотация: в статье изложены результаты опыта осмысления процесса принятия знания с точки зрения фолк-эпистемологии – формирующейся научной отрасли о естественном (не нормативном, а протокольном) порядке эпистемических актов. Целью данной работы является решение вопроса о принадлежности отрасли, возникшей на границе психологии и когнитивистики, с одной стороны и эпистемологии – с другой. В результате формулируются выводы о возможном способе разграничения исследований, осуществляемых в рамках фолк-эпистемологии, а также векторах психологического и философского подхода к ним.

Ключевые слова: фолк-эпистемология, естественная эпистемология, принятие знания.

Abstract: the article presents the results of the understanding the process of knowledge accepting from the point of view of folk-epistemology, which is an emerging scientific branch about the natural (not normative, but protocol) order of epistemic acts. Since the branch arose on the border of psychology and cognitive science on the one side and epistemology on the other, the question of its specialization is put in the center of the research. The author formulates conclusions about a possible way to distinguish folk-epistemology studies and vectors of psychological and philosophical approach to them.

Key words: folk-epistemology, natural epistemology, knowledge acceptance.

Для теории познания понятие знания долгое время имело нормативный характер, что выражалось в принимаемых экспертным сообществом императивах: оно должно быть проверяемо, должно быть воспроизводимо, должно быть внутренне непротиворечиво. Научные истины принимаются в качестве таковых по результатам известной проверки на соответствие с выдвигаемыми к истине требованиями. Однако само понятие знания многолико, и, помимо тех частиц, из которых собрана научная картина мира, вопрос о сущности знания дополняется уточнениями о вненаучных, ненаучных и просто жизненных знаниях, мифах, которые не вытесняются научным методом [1, с. 9–10]. В этом смысле современные общественные и гуманитарные науки обращаются к новой стороне знания – его обыденной стороне. Такое повседневное поведение субъекта общества, связанное со знанием и познанием, сегодня стало предме-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

том интереса отдельной научной отрасли, а именно фолк-эпистемологии [2–4].

К. Хайнц и Д. Тараборелли, теоретики данного направления, предлагают различать эпистемологию и фолк-эпистемологию следующим образом: вторая фокусируется на эпистемических оценках, которые мы фактически совершаем и производим, независимо от норм и правил; это «естественная эпистемология», не регулируемая императивами экспертов [5, р. 477]. Отсюда же следует, что основной метод фолк-эпистемологии – это описание, протоколирование познания как естественной деятельности человека. Хорошо бы на этом этапе поставить вопрос о дисциплинарной принадлежности обсуждаемой области знания. Очевидно, что философская компонента в рамках фолк-эпистемологии стыкуется с когнитивными науками, психологией и биологией, а также социологией.

Однако, кажется, что осмысление нового термина нужно начинать несколько иначе, а именно – с части «фолк». Это не первое «фолк-направление» в массиве современных социальных исследований. Отечественная наука уже знакома с фолк-историей и фолк-психологией, изучающими то, как в обыденном сознании отражаются (и искажаются) результаты научного развития в соответствующих отраслях, и то, как не-экспертный социальный субъект понимает предметы этих отраслей. При том, если относительно определения первого из них споры еще ведутся, то второе понимается одинаково: фолк-психология – это обыденная, житейская психология, результат обывательского осмысления психологических феноменов. Возможно, это один из самых удачных ракурсов, поскольку позволяет захватить тончайшую прослойку между научными знаниями и лженаучными заблуждениями, которая может быть определена как фолк-знание.

Фолк-психология или «народная психология» – это наивная теория организма, психологических состояний и механизмов, объясняющих человеку свое поведение и поведение других [6, р. 87]. Академическая психология может иметь принципиально иные представления о тех же самых предметах, а также может вести просветительскую деятельность с целью устранить заблуждения и неточности. Однако, как мы видим, обращаясь на современное положение дел, эта работа не всегда приводит к желаемому результату. По аналогии можно сделать заключение, что фолк-эпистемология – это наивная теория познания, эпистемических состояний и механизмов обоснования человеком истинности или ложности убеждения, знания. С этого ракурса становится заметно, что пропасть между наукой и образованной от нее фолк-наукой закономерна и обоснована.

В основе подхода лежит предположение, что недопустимо понимать «фолк-психологические объекты» (т. е. то, что образуется в сознании в результате естественного порядка его формирования и развития) как простую совокупность мифов или устаревших представлений о психике,

которые не-эксперты используют именно из-за того, что они не-эксперты. Например, какое-то наивное прочтение закона зависимости силы ощущения от интенсивности раздражителя, т. е. наивное толкование научных терминов и описываемых ими закономерностей, – это еще не фолк-наука. Чтобы научиться находить эти «фолк-психологические объекты», мы должны исходить из нескольких важных критериев. Паскаль Анжель предлагает [7] такие критерии фолк-психологических знаний:

- образуют набор логически связанных между собой схем и принципов (критерий системности);

- повседневно используются людьми для объяснения и предсказания реакций других людей, для прогноза последствий взаимодействия с другими (критерий народности);

- действуют для субъекта как теория и даже могут быть связаны с научной теорией, но сами не являются теорией в академическом смысле слова, следовательно, не поддаются аналитическим установкам для научных теорий (методологический критерий);

- сосуществуют с аналогичными наборами фолк-представлений о физическом мире (фолк-физика), органическом мире (фолк-биология) и другими модульными объектами, – все эти модули имеют умеренную степень независимости, но всё же остаются в некоторой условной связи друг с другом (критерий модульности);

- приобретены человечеством в процессе эволюционного развития и поэтапно развиваются; неспособность человека формировать их и следовать им сигнализирует о расстройстве и является патологией (генотипический и фенотипический принципы, в совокупности – эволюционный критерий).

Начать с психологии и начать с П. Анжели в рамках описания фолк-эпистемологии не является случайным решением. Автор тезиса, обозначенного нами как критерий модульности, высказал предложение рассматривать фолк-психологию как одну из фолк-наук, сосуществующих в сознании, однако эта позиция далеко не повсеместна. К. Хайнц и Д. Тараборелли убеждены, что фолк-эпистемологию вообще можно не выводить из предметного поля психологической науки, поскольку она в любом случае связана с изучением «психических состояний об эпистемических фактах» (например, факт истинности) [5]. Другими словами, любая социальная коммуникация, направленная на убеждение других, доверие другим, сомнение в других, может быть сведена к пониманию психических состояний других субъектов. Однако здесь можно высказать возражение. Любая наука о мышлении так или иначе связана с психологией и «народной теорией» о психике, и связь эта неизбежна тем, что во всех случаях мы пытаемся узнать что-то новое о природе человеческого интеллекта, мышления, рассудка. Предложения оставить проблемы любой фолк-науки в рамках психологии сопровождают многие подобные исследования, например, о фолк-биологии, фолк-физике, фолк-лингвистике. Однако иногда этими предложениями приходится пренебречь, и вот почему.

За последние десятилетия появилось действительно много всяких разных «эпистемологий»: феминистская, индигенная, искусственного интеллекта (андроид-эпистемология), нейроэпистемология и пр. Не будем углубляться в специфику каждого из терминов, но всё же стоит подчеркнуть, что все они так или иначе рассматривают эпистемологические вопросы сквозь линзы разных дисциплин. Например, нейроэпистемология – тоже не совсем эпистемология, сколько нейрофизиология познания, индигенная эпистемология вполне редуцируется к культурантропологии, а что касается искусственного интеллекта, то он больше зависим от лингвистики, чем от теории познания. Вероятно, всю теорию познания можно «разобрать» на такие фрагменты почти без остатка, но именно это и говорит о ее прикладном потенциале и востребованности в разных областях познания. Заметим, что все эти отрасли, независимо от степени разработанности и прикладной значимости, берутся не из воздуха и обретают самостоятельное название в том случае, когда выходят за принятые в научном сообществе рамки ранее существовавших подходов. Так, говоря о фолк-эпистемологии в структуре эпистемологии и других научных дисциплин, нельзя ограничиваться анализом только двух понятий. Это было бы настолько же наивно и ошибочно, насколько утверждение, что с кислородом взаимодействует нос, а не весь организм.

Можно сказать, что в «организме» теории познания уже есть такой «орган», который препятствует редукции фолк-эпистемологии к психологии, и называется он персональная эпистемология. В конце XX и начале XXI в. теории в области персональной эпистемологии были собраны в общую методологическую перспективу [8–9], в основу которой легли идеи о когнитивных механизмах познавательных актов, и для анализа этих механизмов был предложен именно психологический концептуальный аппарат: «Мы занимаемся психологизацией эпистемологии, мы не философы. Но стремясь понять, что такое убеждение человека, что такое обоснование, то нам необходимо определить измерения, которые вписываются в общепринятое определение эпистемологии» [9, р. 361]. Так, процедуры обоснования знания и оценка истинностных модальностей суждения нашли выражение в проблематике демографических маркеров и переменных личного опыта [10], психологии развития [11–12]. В рамках персональной эпистемологии были поставлены вопросы о природе знания как психологического состояния [13] (здесь есть тонкая смысловая разница: knowledge как знание и knowing как нахождение в состоянии знания) и как «психологического конструкта» [14]. Выходит, что психолого-философское измерение знание уже представлено отдельной сферой научного поиска. Неужели фолк-эпистемологи просто упустили это из вида?

Хотелось бы отстоять позицию, согласно которой персональная эпистемология и фолк-эпистемология представляют собой абсолютно разные исследовательские направления. Это не значит, что связи фолк-

эпистемологии с психологией невозможны, но значит, что выстраиваются они иначе (таблица).

Т а б л и ц а

Разграничение фолк-эпистемологических исследований

Параметр	Персональная эпистемология	Фолк-эпистемология
Основной интерес	Природа единого познавательного объекта и единого познавательного процесса [15, р. 268]	Природа эпистемических практик обывателя, неэксперта, «человека с улицы» [16–17]
Связь с эпистемологией	Изучает психологическую основу убеждений и знание как состояние психики человека	Изучает особенности проведения эпистемических процедур неэкспертным субъектом
Связь с психологией	Является частью психологического знания; изучается психологами с привлечением некоторых понятий философии	Является частью философского знания; изучается философами, может прибегать к основам психологического знания

Существуют и другие точки зрения о связи этих отраслей. В том числе предлагается считать фолк-эпистемологию одной из частей персональной эпистемологии, и наоборот [15, р. 268]. Однако предлагаемое здесь решение позволяет заключить, что в целом вопросы персональной эпистемологии и фолк-эпистемологии руководствуют общей фундаментальной проблемой, а именно поиском ответа на вопросы о том, что значит «знать» и как вообще в сознании возможно «знание». Отличия обнаруживаются в том, какое эти две области принимают решение о том, как изучать и исследовать поставленные вопросы.

Литература

1. *Касавин И. Т.* Наука и иные типы знания : позиция эпистемолога / И. Т. Касавин // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2005. – Т. 4. – № 2. – С. 5–15.
2. *Gerken M.* On folk epistemology : how we think and talk about knowledge / M. Gerken. – Oxford University Press, 2017.
3. *Gerken M.* The roles of knowledge ascriptions in epistemic assessment / M. Gerken // *European Journal of Philosophy*. – 2015. – Vol. 23, № 1. – P. 141–161.
4. *Mercier H.* The social origins of folk epistemology / H. Mercier // *Review of Philosophy and Psychology*. – 2010. – Vol. 1, № 4. – P. 499–514.
5. *Heintz C.* Folk epistemology : the cognitive bases of epistemic evaluation / C. Heinz, D. Taraborelli // *Review of Philosophy and Psychology*. – 2010. – Vol. 1, № 4. – P. 477–482.
6. *Kitchener R. F.* Personal epistemology and philosophical epistemology : the view of a philosopher / R. F. Kitchener // *Links between beliefs and cognitive flexibility*. – Springer, Dordrecht, 2011. – P. 79–103.

7. Engel P. What can we learn from psychology about the nature of knowledge? / P. Engel // *Rivista di filosofia neo-scholastica*. – 2002. – P. 725–740.

8. Hofer B. K. The development of epistemological theories : beliefs about knowledge and knowing and their relation to learning / B. K. Hofer, P. R. Pintrich // *Review of Educational Research*. – 1997. – Vol. 67. – P. 88–140.

9. Hofer B. K. Personal epistemology research : implications for learning and teaching / B. K. Hofer // *Educational Psychology Review*. – 2001. – Vol. 13, № 4. – P. 353–383.

10. Unger R. K. Personal epistemology and personal experience / R. K. Unger, R. D. Draper, M. L. Pendergrass // *Journal of Social Issues*. – 1986. – Vol. 42, № 2. – P. 67–79.

11. Flavell J. H. Development of children's knowledge about the mental world / J. H. Flavell // *International Journal of Behavioral Development*. – 2000. – Vol. 24 (1). – P. 15–23.

12. Hammer D. On the form of a personal epistemology / D. Hammer, A. Elby // *Personal epistemology : the psychology of beliefs about knowledge and knowing*. – 2002. – P. 169–190.

13. Mu X. A Personal epistemology model : from the perspective of the development of personal information management / X. Mu // *Chinese Librarianship*. – 2013. – №. 36. – URL: <http://www.white-clouds.com/iclc/cliej/cl36mu.pdf>

14. Elby A. Defining personal epistemology : a response to Hofer & Pintrich and Sandoval / A. Elby // *The Journal of the Learning Sciences*. – 2009. – Vol. 18, № 1. – P. 138–149.

15. Fagnant A. Theories of mind and personal epistemology : their interrelation and connection with the concept of metacognition / A. Fagnant, M. Crahay // *European journal of psychology of education*. – 2011. – Vol. 26, № 2. – P. 257–271.

16. Talisse R. B. Folk epistemology and the justification of democracy / R. B. Talisse // *Does Truth Matter?* – Springer, Dordrecht, 2009. – P. 41–54.

17. Kitchener R. F. The epistemology of folk epistemology / R. F. Kitchener // *Analysis*. – 2019. – Vol. 79, № 3. – P. 521–530.

Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского

*Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky*

Голубинская А. В., кандидат фило-
софских наук, научный сотрудник

*Golubinskaya A. V., Candidate of Phi-
losophy, Researcher*

E-mail: golub@ioo.unn.ru

E-mail: golub@ioo.unn.ru